

Афинский юноша молил о страсти деву, И ложа брачного восторги обещал ей, Но на него она как статуя глядела, И головою лишь прелестною качала. А то смеялась и лукаво говорила, Что так легко свои богатства не продаст. И он взмолился, чтоб она тогда купила Все то, что ей он за улыбку лишь отдаст. И вот однажды, когда мать была в отлучке, К нему послала она верного гонца. Упав ей в ноги, целовал он ее ручки, Но дева юная подняла храбреца, И так сказала: «Коли вправду хочешь, милый, Чтобы с тобою обменялась я кольцом, И без обмана чтобы сделка совершилась, То покажи, мой дорогой, товар лицом. Хочу вино я пригубить, что всеми хвалится; Чтоб башмачок не жал, примерить его следует... Сними одежду... Оценить хочу богатства я, Чтоб в брачный день могла в права свои наследные Вступить я с радостью, не с тяжким вздыханием... В ответ на речи те зарделся ее друг. — Закон мой первый — исполнять твои желания. Повиновенье — все, что надобно от слуг... Перед возлюбленной спокойно он разделся — Не зря все годы занимался он в палестре... И дева милая, невольно покрасневши, Слеплена была красой его телесной... К нему приблизилась она, во сне как будто, И взяв лицо его пылавшее в ладони, Поцеловала его в трепетные губы... Он потянулся к ней... — О нет, мой сладкий!... Вспомни — Меня ты слушать обещал беспрекословно... Сейчас ты ляжешь, мой хороший, и лежать Ты будешь так, как будто цепью ты прикован, Или сейчас же разрешишь себя связать... На пол прохладный постелила она коврик Из шерсти коз, и уложив его на спину, Велела рук не распускать, лежать спокойно. — Клянусь я Фебом, что и пальцем я не двину!.. Меня ты можешь обесчестить словно герму*... Зацеловать до бессознания... Буду счастлив я В твоих объятьях умереть такую смертью... Свидетель Зевс, не представляю я опасности!...

Но шутки кончились, когда она коснулась Устами нежными лица его и губ, И по плечам его ладонями скользнула... От напряженья каждый мускул стал упруг... Она же, грудь его погладивши ладошками, Припала к его бедрам, взяла в руки Чудесный член мужской, и очень осторожно Покрыла поцелуями упругий И напряженный ствол его... Головки Рубиновой коснулась язычком, И провела им так, что слабый стон свой Не смог в тот миг сдержать он и силком. Под девичьим касаньем задрожала Налившаяся тяжестью мошонка... Яички его полные ласкала Она словно дитя замороженно... — Подобны шелковистым, нежным сливам... Величиной же с яблоко... Мой сладкий... Любимый мой... Какой же ты красивый... И здесь, внизу... — Молю тебя... не надо... — Я причиняю боль? — О нет... Напротив... Мне слишком хорошо... О боги!... Нет... Посасывая сладко, она в ротик Их втягивала в нежном полусне... Он извивался в страстном напряженьи, Удерживая соков своих ток, Как на костре сгорая в наслажденьи... И только силой воли он пресек Те ласки, отстранив ее головку. — О нет, моя родная, не сейчас... — Здесь я хозяйка... Эта остановка На мысль меня однако навела... Встань, мой любимый, и поднявши руки, Возьмись за перекладину... Вот так... Какие б не испытывал ты муки, Покуда не подам тебе я знак, Ты рук своих разжать не смеешь, милый. Хочу я насладиться, и сполна... И тело его стройное обвила Руками белоснежными она... С горячих, полных губ его сбирала Она губами сладкими нектар, И кудри его темные ласкала... От нежности ее бросало в жар... Ладони с наслаждением скользили По мужественной, бархатной спине... И попку его смуглую накрыли С восторгом...

и, довольные вполне,

Ласкали ее чудную упругость... Потом слегка скользнули по бокам... Коснулись жарких бедер... И без звука Легла ее чудесная рука На член его... Поглаживая, сжала Она его в руке своей так нежно, Что чуть сама в тот миг не застонала, Желанием охвачена мятежным... «О славная Киприда, помоги И мне его свести от вождельня С ума, как ты свела когда-то мир Из пены вод красы своей явленьем!...» — На Кипре могут жрицы Афродиты И ртом своим доставить наслажденье... Я слышала об этом от Мелиты... Богине начинаю я служенье... И вздрогнул он невольно с тихим стоном: Был взят в цветущих уст желанный плен Его приятно пахнувший и полный, Такой огромный и красивый член... Смотрел он изумленными глазами, И взгляд замороженный отвести Не смог бы, даже если бы вдруг пламень Их домик в ту минуту охватил... Желанье, что испытывала дева, Когда его сосала в упоенье, Сравнить ей по блаженству было не с чем... Чудесны были эти ощущения... И ягодицы нежно прижимая, И глядя бедра сильные его, Ни на мгновение уст не отнимала, Набухшее лаская естество... Кусал он губы, в муке выгибаясь, Но стоны наслаждения сдержатъ Не в силах был, и страстно извиваясь, Он вскоре лишь бессвязно умолять Мог деву беспощадную о милости, Не в силах эту пытку выносить... Мечтая об одном — чтоб вечно длилось Блаженство это острое... Сверх сил, Сверх разума мученье это было... И вскрикнув, он выстреливать вдруг стал Горячим семенем ей в ротик... И испили Его до капли ее жаркие уста... Лишь спазмы судорог волною пробегали По обессиленному телу, что в тот миг Лишь силой воли на ногах уже держалось, И головой прекрасный мученик поник...

От этой стойкости его придя в волнение, Она сказала нежно: — Все, мой милый... Все... И в тот же миг он просто рухнул на колени... Она же встала... Так светло и горячо В окно лилось в тот час полуденное солнце, И тишина стояла... Так, что за окном Жужжанье пчел им было слышно... В этот полдень Казалось, даже этих пчел клонило в сон... Она янтарные застежки расстегнула, И с плеч точеных соскользнув, упал хитон... Не смея верить, как во сне в тот миг застыл он, Виденьем сладостным чудесно ослеплен... Стояла дева как ожившая богиня... Киприды ласковой дышала в ней краса... Под взглядом жарким ее прелести нагие Чуть розовели, как рассветная роса... Не помнил он, как заключил ее в объятья, Как поцелуями нежнейшими покрыл... И наконец, сходя с ума, схватил в охапку, Всю гибкость стана с вождельнем ощутив... — Теперь, божественная, очередь моя... И прошептав это, он сжал ей нежно руки, Прижал к стене, и больше страсти не тая, Стал наслаждаться он прелестной ее грудью — Ее бутонами тугими, что ласкал он В тот час губами, языком, пока она От наслаждения едва уже стояла, Вся восхитительным желанием полна... Встав на колени, он ласкал ее живот, И в ней будили его губы и ладони Такое сладкое томленье и восторг, Что вся она изнемогала, став медовой... И когда бедер ее нежных теплоту Разъединил он и приник к ее бутону, Она лишь выгнулась навстречу его рту... Ласкал язык его неспешно ее лоно... Его тепло и упоительная спелость Сводили юношу с ума... Готов был вечно Ее лизать он между ножек... Словно персик Она текла уже душистым сладким соком... Он лишь раздвинул ее пальцами пошире, И продолжал лизать трепещущее лоно, Пока восторги сладострастья не пронзили Девичье тело, пробегая словно волны... Тогда он встал, чтоб поднести к раскрытым створкам Восставший член, и содрогнувшись, оросил Ей лепестки своим горячим пряным соком... И оба замерли в объятии, без сил... Вдруг встрепенулась она вся... — Клянусь

Кипридой! Видать совсем с тобой лишились мы рассудка! Здесь будет мать моя с минуты на минуту!.. О, помоги нам, защити нас, Афродита!.. Вот твой хитон... Скорее, милый... Умоляю... Иди во двор... Я буду следом... Поспеши... Лишь под оливою он, деву обнимая, Успел взмолиться: — Дорогая, прикажи Уйти сейчас же мне, скажи одно лишь слово — Довольна ль ты? Ведь в этом вся моя судьба... Ведь я люблю тебя... Молю, не будь сурова... Хоть каплю милости для верного раба!.. — О да, мой милый!.. Я довольна, мой хороший... Довольна, слышишь?... Можешь свадьбу назначать... — О моя радость!.. Я боюсь, до этой ночи Не доживу я, жизнь печальную влача... И все стояли они, рук разжать не в силах, В тени горячей старых лавров и олив... И набухла почка счастья, что раскрыться Была готова пышным цветом для двоих...

— — — -----
* Герма — дорожный столб с изображением бога Гермеса с торчащим фаллосом.